

«Толстой – совесть России...»

(А. В. Жиркевич)

20 ноября 1910 года русская и мировая общественность была потрясена известием о смерти Льва Николаевича Толстого, гениального писателя и мыслителя. Все газеты и журналы пестрели заголовками, ушлые фоторепортеры старались проникнуть в личное пространство семьи, сплетни и споры вокруг которой не утихали уже много лет, с тех пор, как А. Н. Толстой стал менять своё отношение ко многим сторонам человеческой жизни.

Под впечатлением от сообщения о смерти Толстого, Аполлон Коринфский, русский поэт и православный человек, один из тех, кто понимал и не отвергал духовных исканий Льва Николаевича, написал это стихотворение:

Последний пророк

*Свершилось... Нет его!.. Проведена черта
Между пигмеями и ратью исполинов:
Угас великий вождь – чья мысль была свята,
Кто истину познал, всю ложь земли отринув.*

*Свершилось!.. Он – ушёл... Как слабы все слова,
Чтоб тягость передать постигшей мир
утраты!..
О нём, о нём одном – вселенская молва;
Всю почву потеряв, замолкли пустосвяты.*

*Свершилось!.. Не вернуть!.. Не примириться
Иудам родины, распявшим дух титана...
Позор и вечный стыд – вождям слепцов слепым!
Теперь ещё ясней всем Ясная Поляна.*

*Свершилось... Там, вдали, в глуши родных лесов,
Стоит его курган могильный одиноко;
Откуда жизнь его и смерть – в простор веков
Глядят, свободные от всех земных оков,
Трагедией последнего пророка.*

9 ноября 1919 г.

Стихотворение было прислано в письме к А. В. Жиркевичу (военному юристу), с которым А. А. Коринфский переписывался уже много лет. К тому же Александр Владимирович несколько раз был в гостях у Льва Николаевича в Ясной Поляне, о чём подробно написал в своём дневнике.

Подобное отношение Коринфского к Толстому отразилось позднее и в письме к Жиркевичу: «Счастливец, однако, Ты, дорогой мой Александр Владимирович! – разве ж это не счастье?! Живёшь под кровлей Великого Льва, «в гостях» у Него, в атмосфере неумирающих воспоминаний о Нём... И Ты – кроме того – общался некогда и лично с Ним – самим, говорил с Ним, дышал с Ним одним (даже яснополянским!) воздухом, обменивался с Ним речами, действительно гостил у Него и при жизни Великого Старца?! Он, Могучий Лев Русского Художественного (Вечного!!) Слова, писал Тебе!!! Воистину счастлив Ты – при всех несчастьях, мой Рыцарь Духа...»

(Из письма А. А. Коринфского к А. В. Жиркевичу от 10 декабря 1925 года, г. Лигово.)

А. В. Жиркевич трижды посетил Ясную Поляну – в 1890, 1892 и 1903 годах, переписывался с Толстым с 1887 г. Эти встречи оставили неизгладимый след в его жизни. А. Н. Толстой был одним из самых религиозных, совестливых и искренних людей своего времени. Недаром со всех концов света в Ясную Поляну ехали люди за советом, и всё с одним вопросом – как согласовать свою жизнь с совестью. Бывали дни, когда за полчаса к нему обращалось до восьми незнакомых людей, и всем нужно было найти правильные слова... Сохранилось тринадцать писем и записок А. Н. Толстого к А. В. Жиркевичу (1887–1902) и многочисленные дневниковые записки Жиркевича о нём.

Впервые имя Толстого встречается в дневнике Жиркевича 20 февраля 1887 года. Хотелось бы вспомнить вместе

с читателями некоторые штрихи жизни Толстого, ещё раз осознать те события, с которых началось его духовное перерождение... Ведь это редчайший случай, когда человек, имея всё, о чём мечтают миллионы – талант, благополучие, всемирное признание, – отказался бы от всего, и, не уходя в монастырь, посвятил свою жизнь служению Богу, как он это понял, и как это ему открылось.

Летом 1869 года Лев Николаевич, знаменитый писатель, автор «Войны и мира» и «Анны Карениной», рачительный хозяин процветающего имения и счастливый семьянин, ехал в Пензенскую губернию прикупить имение с большими лесами. На ночь он остановился в арзамасской гостинице, ничто не предвещало чего-либо необычного. В два часа ночи он проснулся, и смертельный ужас объял его от совершенно ясно представившейся ему реальности – конечности своего существования, своей смертности, пусть ещё не сейчас, не скоро, но неизбежной... В историю литературы эта ночь так и вошла под названием «ночь арзамасского ужаса». После этого всё чаще его стала посещать тоска. Постепенно сам Толстой стал замечать, что покупка новых земель, охота, меньше стали приносить ему удовольствия. Лев

● Портрет А. В. Жиркевича.

Николаевич вспоминал потом, что хотел было наложить на себя руки. Вот тогда-то он и взял в руки, впервые осознанно, Евангелие. Толстой начинает посещать церковь, исполнять все обряды, держать посты, и так продолжалось два года. Он с его пытливым и пронзительным умом увидел много несоответствий с высоким духом Евангелия. Спустя много лет он напишет в рассказе «Николай Палкин»: «...Мы дошли до того, что слова: “Богу Божие” для нас означает то, что Богу отдавать копейные свечи, молебны, слова – вообще всё то, что никому, тем более Богу, не нужно, а всё остальное, всю святую свою душу, принадлежащую Богу, отдавать кесарю!» (А. Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 т.). Разочаровавшись, он начинает свой путь к Богу, и главное в нём – этическая сторона христианства, которой так не хватает в настоящее время. Он просит, умоляет, требует, кричит, призы-

вает всех стоять перед Богом «как свечка» во всех делах и помыслах.

«Ищите царствия Божия и правды его, а остальное приложится вам. Да, верьте себе в то великой важности время, когда в первый раз загорится в вашей душе свет сознания своего божественного происхождения. Не тушите этот свет, а всеми силами берегите его и давайте ему разгореться. В этом одном, в разгорании этого света – единственный великий и радостный смысл жизни всякого человека». (Из обращения Толстого к юношеству. Опубликовано в газете «Русское слово» 28 декабря 1907 г. под заглавием «Верьте тому вечному, разумному и благому началу, которое живёт в вас».)

Жизнь отменяет некоторые установки Льва Николаевича. По-прежнему сохраняется мистическая суть церковной службы, которую не признавал Толстой. И Жиркевич, находя много близкого в исканиях Толстого, всё же во многом с ним не согласен: «Нет! Толстой не прав! От истории отворачиваться нельзя, что я ему говорил уже и лично, и писал... Жизнь народа не создана на отвращённо-философских началах, она создаётся сама, и всё той же историей. В своей «вере» он валит всё с ног. А между тем монархизм в России выработался веками, русские массы народа с детства впитывают с молоком матерей любовь к царю и родине, так что толстовский космополитизм им не по плечу. Об этом написано много книг, исследований, за и против толстовских взглядов. И всё-таки только глубоко религиозный человек мог так точно выразить связь человека с Богом: «Бога знаешь не столько разумом, даже не сердцем, но по чувствуемой полной зависимости от Него, вроде того чувства, которое испытывает грудной ребёнок на руках матери. Он не знает, кто его держит, кто греет, кто кормит; но знает, что есть этот кто-то, и мало того, что знает, – любит его».

Природа наградила Льва Николаевича недюжинным здоровьем, выдающимся умом, мощной гормональной системой и редко встречающейся совестливостью. Когда началась пора юношеского возмужания, мучительной борьбы с самим собой, со своими страстями (Толстой откровенно пишет о своих метаниях в дневнике), каждое падение приносило ему чувство стыда, желание исправить себя, начать жить новой чистой, целомудренной жизнью. Кстати, умение заглянуть в себя, которое у него развилось с юных лет, в дальнейшем перешло в высочайший психологизм. Стоит только почитать письма Льва Николаевича к своим детям. Увещывая их в проступках, он прежде всего делится с ними глубинными проблемами своей внутренней жизни. Из письма Толстого к дочери Марии от 27 августа 1894 г.: «Главное в этом чувстве (уныние. – Прим. авт.) обманчивое то, что себя хвалишь за то, что для тебя ничего не

*А. В. Жиркевичу.
12 августа 1906 Лев Толстой*

нужно, готов служить всем и всё делать, но просишь от людей только немножечко любви... Нет, ты сам давай её, коли ты знаешь, как она нужна сердцу человеческому». Многие, думаю, могут так заглянуть в себя, даже на исповеди...

Недолгое пребывание в Казанском университете (с сентября 1844 по апрель 1847 года), заканчивается возвращением в Ясную, где он надеется серьёзно заняться усадебным хозяйством. Затем он совсем было решил вступить в гражданскую службу и даже начал сдавать экзамены в Петербургском университете на звание кандидата. Но светская жизнь на какое-то время пленила молодого Толстого. Он увлекается игрой в бильярд. А тут ещё присоединилась страсть к карточной игре, не на шутку захватившая его. Проигрывались огромные суммы денег, а долг чести требовал немедленной уплаты. На выручку приходили братья. Это была на редкость дружная семья – рано осиротевшие четыре брата и сестра. Сколько раз Лёвушка брал себя в руки, стремясь избавиться от пагубной зависимости! А братья всегда выручали его, мягко увещывая остепениться (хотя временами и сами срывались). Но это только канва внешних событий, за всем этим шла мощная работа духа, о чём говорят его дневники той поры и переписка с братьями и сестрой...

В 1851 году Толстой уезжает со старшим братом Николаем на Кавказ, в Чечню, в станицу Староградскую. (Теперь там музей А. Н. Толстого.) Удивительно, что, как рассказывают очевидцы, во время недавних боёв в Чечне война выжгла всю землю вокруг музея, но сам он остался невредим – его бережно хранят и русские, и чеченцы, которые благодарны Толстому за «Хаджи-Мурата», за его тонкое проникновение в душу народа, его горскую гордость и смелость... Здесь, в Староградской, он пишет первую свою повесть «Детство» и посылает Н. А. Некрасову, редактору «Современника». И с этого момента рождается писатель.

Продолжение следует.

Н. Г. Жиркевич-Подлесский,
исследователь, публикатор наследия и внучка
А. В. Жиркевича, лауреат
Горьковской литературной премии 2011 г.
за книгу **А. В. Жиркевича**
«Встречи с Толстым. Дневники. Письма».
Автор благодарит **Александру Мясникову**
за помощь в работе